

25. Петров, М. Н. Новейшая национальная историография Германии, Англии и Франции: Сравнит. ист.-библиогр. обзор / М. Н. Петров. – Харьков: Унив. тип., 1861. – [6], VIII, [2], 311 с.
26. Петров, М. Н. Очерки из всеобщей истории / М. Н. Петров. – Харьков: Унив. тип., 1868. – [6], 536 с.
27. Петров, М. Н. Лекции по всемирной истории. Под ред. проф. В. К. Надлера / М. Н. Петров. – В 5 т. – Харьков: Д. Н. Полуехтов, 1888–1894; Изд. 2-е. 1906–1910; Изд. 3-е. 1913–1916.
28. Погодин, А. Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года / А. Л. Погодин. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. – VIII, 420 с.
29. Стрелец, М. В. Историческая германистика в советской и постсоветской Беларуси: вклад исследовательского корпуса в разработку важных научных проблем / М. В. Стрелец // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2014. – № 2 [Режим доступа] <http://vestnik.nvsu.ru/arhiv/37>. Дата доступа: 25.06.2019.
30. Чикалова, И. Р. Становление германистики как области исторических исследований в Российской империи (XIX – начало XX в.) / И. Р. Чикалова // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: [зборнік навуковых артыкулаў]. – Вып. 18: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 5 красавіка 2019 г. – Мінск: МДЛУ, 2020 (в печати).

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕ ПЕРИОДА КРИЗИСА ВЕРСАЛЬСКОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Бабурин С.Н. (г. Москва, Россия)

В XXI веке вопросы межгосударственной интеграции как наиболее оптимального ответа на вызовы глобализации неизбежно приводят к переосмыслению исторического опыта государственно-территориального и цивилизационного переустройства. Для Евразии и евразийской межгосударственной интеграции особенно важны причины, механизмы и последствия государственно-территориального переустройства Европы в XX веке, в том числе периода становления и краха Версальского мирового порядка.

Версальский мирный договор от 28 июня 1919 г., утверждая при определении статута Лиги Наций намерение государств принять на себя обязательства не прибегать к войне [1, с. 480], стал основой формирования в 1919–1922 гг. системы международного порядка, закреплявшей государственно-территориальные, экономические и политические приоритеты государств Антанты. Совершенно в соответствии со вторым законом геополитики – законом усиления фактора пространства [11, с. 28] – государства Антанты территориально прирастали, ввергнув противников в режим дезинтеграции.

Версальская система была дополнена в решениях Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. территориальным переделом сфер влияния на Дальнем Востоке, потому систему международных отношений между двумя мировыми войнами иногда называют Версальско-Вашингтонской.

Образование новых государств и межгосударственная интеграция процессы весьма непростые. Традиционно государство определяют как постоянную и своеобразную форму общегития, которая создается гражданскими стремлениями и поддерживается началами права и которое невозможно там, где нет «общих мыслей и порядке и понятии законности», без чего «ни один народ не в силах сам собой составить политический союз» [16, с. 92]. После Первой мировой войны и пришло то трудное время, когда, как верно отмечает О.Б. Гронский, для любого национального нарратива было необходимо найти место «своего» государства и «своего» народа в прошлом для выстраивания исторических представлений о нынешнем государстве и нынешнем народе [9, с. 129].

В результате закрепленной Версалем государственной дезинтеграции нескольких империй Европы десятки миллионов людей не по своей воле оказались национальным меньшинством в государствах, которые в годы войны воспринимались ими как противники. Да и в возникших славянских государствах Польша, Чехословакия, Югославия среди самих славян не было единства. Рост межэтнических конфликтов и сепаратистских движений, межгосударственных территориальных споров стал результатом и символом Версальской системы. В конечном итоге, односторонность версальского государственного урегулирования привела ко Второй мировой войне, унесшей жизни десятков миллионов европейцев.

Версаль зеркально повторился в 1991 году, когда Западная Европа в лице группы министров иностранных дел взяла на себя ответственность отказаться от принципа нерушимости границ в Европе и определила критерии признание новых государств, возникающих на месте СССР и СФРЮ [4, с. 48–49]. Рост числа международных конфликтов и локальных войн, последовавший за разрушением СССР и созданного им блока социалистических государств Восточной Европы, заставляет ныне со всё большим вниманием изучать европейские интеграционные и дезинтеграционные процессы первой половины XX века, выявлять закономерности и черты боровшихся между собой моделей мирового порядка. Тем более, что информированные пессимисты уверены, что Запад «больше не способен действовать как единое целое, долговечность его политического наследия также сомнительна» [7, с.14]. Важно найти пути гармонизации процессов межгосударственной интеграции и дезинтеграции [30, с. 4].

Если русский правовед С.А. Муромцев отмечал конкретно-историческое содержание правового порядка, характеризуя его как «совокупность прав, существующих в данное время в данном обществе» [25, с. 148], что

подчеркивает неспособность права самого по себе сохранить правопорядок без исторически конкретных его правовых гарантий, то правовое моделирование мирового порядка началось именно с Версаля. Только после Версаля появился сам термин «новый мировой порядок», запущенный в широкий обиход в 1939 году британским писателем и футурологом Г. Уэллсом.

Версальский мирный договор от 28 июня 1919 года впервые в истории установил правовым путем мировой порядок, отвергнув ранее господствующее понимание, что международное право не обладает принуждением [28, с. 45.] Территория Германии в соответствии с версальскими решениями уменьшилась на одну восьмую часть. Утраченные ею колонии превосходили саму Германию по сухопутной территории в шесть раз. Если на 1 августа 1914 г. европейская территория Германии составляла 540.857 кв. км, а территория германских колоний приблизительно 2.953.000 кв. км, то после Версаля (на 1 октября 1919 г.) территория Германии составила 473.582 кв. км [17, с. 342].

Только в Европе Германию заставили отказаться:

в пользу Франции – от территорий Эльзаса и Лотарингии (14.522 кв.км) в границах на 18 июля 1870 г. (территории, как записали в ст. 51 Договора, вернулись под французский суверенитет со дня Перемирия 11 ноября 1918 г.);

в пользу Бельгии – от нейтрального (3,37 кв.км) и прусского (6,37 кв.км) Морене, а при условии последующего плебисцита – от территории уездов Эйпена и Мальмеди (1.035 кв.км);

в пользу Чехословакии – от Гульчинского района на юге Верхней Силезии (286 кв.км), признав включение в состав Чехо-Словацкого государства автономной территории Русин к югу от Карпат (ст. 81 Договора);

в пользу Польши – от значительной части Западной Пруссии (16.305 кв.км), некоторых частей Померании (390 кв.км), Сольдау в Восточной Пруссии (620 кв.км), от Познани (25.783 кв.км). Судьбу Верхней Силезии решил плебисцит. По его результатам к Польше отошло 3.221 кв.км из 13.230 кв.км.

Плебисцит в ряде округов Восточной Пруссии сохранил их территории в составе Германии. Северный Шлезвиг (3.984 кв.км) в результате плебисцита отошел к Дании.

Германия признала исключение территории Люксембурга из общей территории Германского таможенного союза и прекращение своих прав на эксплуатацию его железных дорог (ст. 40 Договора).

Уступив Франции право собственности на копи Саарского угольного бассейна, Германия вынуждена была согласиться с передачей территории Саарской области (1.926 кв.км) на 15 лет под управление Лиги Наций с последующим определением ее государственной принадлежности через плебисцит. Лишь в 1935 г. после плебисцита Саарская область была возвращена Германии.

Несколько иными были решения по статусу территорий Мемеля (2.848 кв.км) и Данцига (1.977 кв.км). Территория Мемельской (Клайпедской) области была уступлена Германией государствам Антанты с отказом от суверенитета над нею и обязательством признать любое решение союзных держав о территориальной принадлежности области. С 1920 г. территория находилась под французской оккупацией, в январе 1923 г. оказалась захваченной Литвой в порядке компенсации за утрату Вильнюса и лишь 23 марта 1939 г. была возвращена Германии. Отошедший к Антанте на тех же началах прекращения немецкого суверенитета Данциг (Гданьск) 20 сентября 1920 г. был объявлен вольным городом, остающимся под протекторатом Лиги Наций и составляющим единую таможенную территорию с Польшей. Конституцию нового государства (на основе статуса вольного города, который Данциг уже имел в 1807-1813 гг.) одобрила Лига Наций. Ведение дипломатических отношений вольного города возлагалось на Польшу.

Ограничения коснулись и сохранившейся территории Германии. На острове Гельголанд Германия обязалась разрушить все свои укрепления и военные сооружения. Вдоль восточного берега Рейна на территории шириной 50 км Германии было запрещено содержать укрепления, вооруженные силы и военные материалы (ст. 42 Договора).

Еще более значимым был территориальный раздел основных союзников Германии – Австро-Венгерской и Османской империй, не только сменивших форму правления, но переставших существовать как единые государства. С радостью творцы Версальского порядка признавали независимость и любых государств, возникающих на территории бывшей Российской империи, лишь бы они были враждебны Советской России. Но, надо отдать должное, лишь реально существовавших. Именно поэтому, когда приехавшие 27 апреля 1922 г. на Генуэзскую конференцию представители созданной при германской оккупации т.н. «Белорусской Народной Республики» В. Ластовский и А. Цвикивич обратились к конференции с просьбой дипломатически признать БНР, от них отмахнулись, даже не вынося вопрос на обсуждение [19, с. 55].

Советскую Россию на заре её существования мало интересовали международные договоры, как и размер территории, на которой укрепляется очаг мировой революции. Именно поэтому практически без препятствий во имя укрепления власти большевиков ими подписывался Брестский мир 1918 года, по которому Украина оставалась за Германией, признавалась независимость Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии, отдавалась Румынии Бессарабия, а Турции – основная часть Армении. В Москве ожидали победы Мировой революции, которая должна была стереть все границы и установить всемирное пролетарское братство. Идея мировой революции привела к созданию III (Коммунистического) Интернационала.

Коммунистический интернационал (Коминтерн), отвергнув государственно-территориальные подходы геополитики и осудив мировой порядок, установленный в Версале, попытался предложить миру новый подход к реше-

нию проблем человеческого общества, воплощённый в идеях коммунизма. Речь шла о мировом порядке, основанном на совершенно иных началах. Даже спустя десятилетия Л.И. Брежнев подчеркнет: «Главным в национальном вопросе коммунисты, борцы за социализм считают объединение трудящихся вне зависимости от их национальной принадлежности в общем сражении против всех видов угнетения, за новый, свободный от эксплуатации трудящихся общественный строй» [8, с. 44].

Работа Коминтерна охватила десятки стран и народов. «Мы должны поднять знамя *гражданской войны*, – писал в те годы председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев. – Интернационал, действительно достойный своего имени, возродится либо под этим паролем, либо он обречен на прозябание» [12, с. 11]. Первоначально Советский Союз рассматривался лишь как некий оплот, необходимый, по словам В.И. Ленина, «всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от её интриг» [22, с. 360]. «Только сентиментальные глупцы могут думать, будто пролетариату капиталистических государств грозит опасность преувеличения роли революционного насилия и чрезмерного преклонения перед методами революционного терроризма, – писал Л.Д. Троцкий. – Наоборот, пролетариату как раз и не хватает понимания важности освободительной роли революционного насилия» [27, с. 251]. «Рука Москвы», поддерживающая друзей и уничтожающая врагов мировой революции в самых дальних уголках планеты, вселяла трепет и уважение, встречая не меньший ответный террор и беспощадность.

Именно классовая идеология со всеми своими достоинствами и недостатками пронизывала работу Коминтерна с первой минуты его существования и до последней. Коммунистическая идеология, покоящаяся, как признавали евразийцы, «на пламенной, но критически не проверенной, наивной и ошибочной вере коммунистов» [10, с. 350], – оказалась малоудачной попыткой предвидеть будущее. Ограниченность и мировоззренческая односторонность такого подхода, недооценка духовно-нравственных и культурно-исторических традиций народов обрекали коммунистическое видение мирового порядка на неосуществимость. С возрождением в Советской России идей патриотизма такая модель, да и конструирующая её идеология, дали трещину.

Коминтерновский мировой порядок не реализовался. Объединить народы без помощи государства оказалось невозможно. Иначе сложилась судьба другой альтернативы Версальскому мироустройству, которую стали формировать Германия, Италия и Япония. Идеи мировой революции рождали и силы, которые видели её сущность в пробуждении не классового, а расового сознания [26, с. 349], и вполне даже учитывали необходимость государственно-территориальной интеграции. Называя мировую войну «Великой мировой революцией, начавшейся в августе 1914 года» [26, с. 465], а Версальский мир «временным урегулированием», лидеры таких сил призывали к установлению мирового господства своих государств.

Германия и Италия в секретном Берлинском протоколе от 25 октября 1936 г., констатируя, что «наибольшей угрозой для мира и безопасности является коммунизм», закрепили свое намерение направить «все свои силы на борьбу против коммунистической пропаганды и активизировать свою деятельность в этом направлении» [2, с. 18]. А 25 ноября 1936 года было подписано и германо-японское «Соглашение против Коммунистического Интернационала» («Антикоминтерновский пакт»), по которому стороны договорились о тесном сотрудничестве в борьбе с коммунистической угрозой. В секретных Дополнительном протоколе и Дополнительном соглашении Германия и Япония взяли на себя взаимные обязательства, связанные с пактом, в частности, условились не заключать с СССР каких-либо политических договоров без взаимного согласия [3, с. 20-21]. 6 ноября 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия, а в марте 1939 г. – франкистская Испания.

Пакт о дружбе и союзе («Стальной пакт») между Германией и Италией от 22 мая 1939 г. дополнительно скрепил антикоминтерновский союз. В пакте с изрядной долей цинизма было закреплено, что если «вопреки желанию и надежде договаривающихся сторон обстоятельства сложатся таким образом, что одна из них окажется в состоянии войны с одним или несколькими другими государствами, то другая договаривающаяся сторона немедленно выступит на её стороне в качестве союзника и окажет ей поддержку всеми своими вооруженными силами на суше, на море и в воздухе» [5, с. 64].

Формирование геополитической *оси Рим – Берлин – Токио* создало основу для попытки этих трех государств установить новый мировой порядок. Оформление нового мирового порядка, фактически вышедшего далеко за рамки своей изначальной антикоммунистической направленности, произошло с подписанием 27 сентября 1940 года Пакта трех держав (Германии, Италии и Японии) о военном союзе. Раздел мира состоялся, ибо саму предпосылку прочного мира увидели в том, чтобы «каждая нация мира получила подобающее ей пространство». Три хищника решили сотрудничать «при осуществлении своих устремлений в великом восточноазиатском пространстве и европейских областях», распространяя новый порядок и на остальные нации «в других частях света».

Осенью 1940 – весной 1941 к Пакту трех держав присоединились Венгрия, Румыния, Словакия и Болгария. Попытка втянуть в него Югославию вызвала бурные протесты её населения, государственный переворот в Белграде и оккупацию Югославии Германией. Лишь с провозглашением после этого Независимого Государства Хорватии последнее 15 июня 1941 года присоединилась к Тройственному, а 26 июня 1941 года – и к Антикоминтерновскому пактам.

Антикоминтерновский мировой порядок после объединения государств-единомышленников складывался уже только через насильственную межгосударственную интеграцию вплоть до 1943 года в результате

интервенций или актов прямой вооруженной агрессии стран Антикоминтерновского пакта против тех или других государств. Вторая мировая война началась, когда Германия и Япония от вооруженных интервенций перешли к войнам, причём не против социалистических государств.

Особо остановимся на периодизации войны в Европе. Давно пора отказаться от англо-американской версии Второй мировой войны, обеляющей Великобританию и делающую виновниками войны Германию и СССР. Пора прислушаться к призывам об альтернативности многих оценок событий XX века [1, с. 28]. Вторая мировая война началась не 1 сентября 1939 г. с нападения гитлеровской Германии на Польшу, а значительно раньше, 7 июля 1937 года с нападения Японии и её сателлитов на Китай. Потому она и мировая, что не следует учитывать события только в Европе. Да и европейская часть мировой войны началась не в 1939 году, а 29 сентября 1938 года с расчленения Чехословакии Германией, Венгрией и Польшей при поддержке Великобритании, Италии и Франции.

При захвате Германией Чехословакии 1938 г. Польша оккупировала («взяла под защиту») Тешинскую область, Венгрия – южные районы Словакии и Закарпатской Украины. В беседе с И. Риббентропом 26 января 1939 г. министр иностранных дел Польши Бек не скрывал, что Польша «претендует на советскую Украину и выход к Черному морю» [21, с. 47]. Любые попытки поставить в славянском мире под сомнение цивилизационное превосходство поляков воспринимались в то время крайне болезненно даже на государственном уровне [15, с. 96-100]. Такова правда истории.

В результате нацистской «государственной интеграции» Германия официально присоединила к себе территории Австрии, чехословацкой Судетской области, французских Эльзаса и Лотарингии, польских Познанского воеводства, Западного Поморья, части Верхней Силезии и Сувалковского воеводства, бельгийских территорий Эйпен, Мальмеди и Морене, герцогства Люксембург, северных областей Югославии Нижняя Штирия и Верхняя Краина. Оккупированная Чехия стала протекторатом Богемия и Моравия, а захваченная Польша – генерал-губернаторством Германской империи. Только за октябрь-ноябрь 1938 г. Германия присоединила к себе территорию в 28 363 кв. км с населением 3 млн. 617 тыс. чел., из которых 2 млн. 670 тыс. чел. были судетскими немцами, а 719 тыс. чел. – чехи и словаки [20].

Помимо этого к 1942-1943 гг. под германской оккупацией находились территории Бельгии и Голландии, Югославии и Греции, Дании и Норвегии, основной части Франции (на оставшейся континентальной части французской территории установили лояльный Берлину политический режим), территории Белоруссии, Украины, Молдавии, ряда областей РСФСР. С учетом союзников и государств-сателлитов, лояльности Испании, Португалии и Швеции под политическим руководством Берлина собралась почти вся Континентальная Европа. Работая не только за страх, но и за совесть, промышленность Европы делала армию Гитлера не имеющей себе равных.

Гитлеровский план государственно-политического объединения Европы фактически осуществляли не 70 млн. немцев, а более 300 млн. европейцев, «объединенных на различных основаниях – от вынужденного подчинения до желанного содружества, – но так или иначе действовавших в одном направлении» [18, с. 15]. Не случайно из общего количества 3 770 290 военнопленных, взятых Советской Армией в ходе войны, 2 546 242 чел. были немцами и австрийцами, 766 901 чел. принадлежали к другим нациям, объявивших войну СССР-России (венгры, румыны, итальянцы, финны и др.), а 464 147 чел. (французы, бельгийцы, чехи и др.) – к европейским нациям «не воевавшим» с СССР [18, с. 15].

Вынужденной частью Антикоминтерновского мирового порядка стал пересмотр западных границ СССР в 1939-1940 годах, включение в состав СССР Западной Белоруссии и Западной Украины, Бессарабии, Латвии, Литвы, Эстонии, прилегающих к Ленинграду участков финской территории. Архитекторов Антикоминтерновского миропорядка подвела жадность, стремление завладеть монопольно всем ценным на планете. Защищая свои интересы, Советский Союз и государства с политически враждебными коммунизму режимами объединились в борьбе с фашизмом [13, с. 69-74].

Мировая война полностью разрушила Антикоминтерновский мировой порядок. После 1945 года государственное устройство Европы было сконструировано на Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской (июль-август 1945 г.) конференциях глав государств и правительств Великобритании, СССР и США. Среди основ, на которых сложились решения конференций, были принципы, обозначенные И.В. Сталиным ещё в 1943 году в качестве задач антигитлеровской коалиции:

- освобождение народов Европы от фашистских захватчиков и оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств;
- предоставление освобождённым народам полного права и свободы самим решать вопрос об их государственном устройстве;
- возмездие фашистским преступникам за все совершенные им злодеяния;
- установление такого порядка в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;
- создание длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы, основанного на взаимном доверии и взаимной помощи [23, с. 623].

Но становление и особенности Ялтинско-Потсдамского мирового порядка – это уже другая история.

Что важно для современной эпохи из уроков межгосударственной интеграции и дезинтеграции Европы первой половины XX века?

Во-первых, сконструированное воинствующими либералами в 1919 в Версале империалистическое государственное устройство показало свою шаткость и не только не предотвратило европейской войны, но ввергло народы Европы в новую мировую войну. Мировой порядок стабилен, если его справедливость опирается на равноправие всех народов, признание за каждым права на самобытность его духовно-нравственных и культурно-исторических традиций. Ослабление культурного иммунитета любой нации [24, с. 33] наносит ущерб человечеству в целом.

Во-вторых, межгосударственная интеграция объективно всегда идёт на смену дезинтеграции, поскольку, как подчеркивал ещё Б.Н. Чичерин, действительная жизнь государств всегда представляет собою переходы из одной формы в другую, причём «государство представляет организацию народной жизни, сохраняющейся и обновляющейся при непрерывной смене поколений», а целью государства является гармоничное развитие разнообразных общественных элементов, собранных в единый органический союз [29, с.9, 10]. При всей трудности рождения нового государства, каковы бы ни были состав государства, его постепенное образование и перемены, каждый народ представляется единым политическим лицом и в этом значении своём становится деятелем в международной области; каждое государство получает характер народного единства, имеющего свои интересы, свои духовные особенности, выступающего в значении особой силы [14, с. 200]. Однако, при задержке или внутренней несправедливости интеграции она способна трансформироваться в свою противоположность – дезинтеграцию, порождающую множественные очаги государствообразования.

В-третьих, даже межгосударственное принуждение и государственное насилие не дают окончательного решения социальных и межгосударственных проблем. Право на обретение государства и свой собственный конституционализм имеют все народы, реализующие право наций на самоопределение без ущемления прав других наций.

В-четвертых, отношения между Германией и Россией определяли и будут определять политическую погоду в Европе, в то время как Великобритания в XX веке стала у берегов Европы цивилизационным ракетомосцем США, центром не Европейской, а Англо-Американской цивилизации.

В-пятых, народы не только Европы, но и Евразии – от Лиссабона до Петропавловска-на-Камчатке, Токио и Сингапура – заслуживают жизни в условиях мира, процветания и взаимного доверия. Для этого остается только перестать применять друг к другу двойные международно-правовые стандарты и вернуться к признанию взаимного равенства государств и народов.

Уроки цивилизационных и государственно-правовых изъянов Версальского мирового порядка современному европейскому обществу следует усвоить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Версальский мирный договор // Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 2: Первая мировая война: Док. и материалы / отв. ред. В.К. Шацилло. – М.: Наука, 2002. – С. 480.
2. Берлинский протокол, 25 октября 1936 г. // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: Док. и материалы / Отв. ред. М.Ю. Мягков. М.: Наука, 2002. – С. 18.
3. Дополнительный протокол к «Соглашению против Коммунистического Интернационала» // Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: Док. и материалы / отв. ред. М.Ю. Мягков. М.: Наука, 2002. – С. 20-21.
4. Заявление «Двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик, от 23 декабря 1991 г. // Дипломатический вестник. – 1992. № 1. – С. 48-49.
5. Из «Пакта о дружбе и союзе» («Стальной пакт») между Германией и Италией, 22 мая 1939 г. // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: Док. и материалы / отв. ред. М.Ю. Мягков. М.: Наука, 2002. – С. 64.
6. Антонович И.И. Константность истории и противоречивость её интерпретаций // Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Научный сборник / отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. – М.: Изд-во Московского университета, 2018. – С. 28-36.
7. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М. Десятовой. – М.: Астрель, 2012. – С. 14.
8. Брежнев Л.И. О пятидесятилетии СССР // Ленинским курсом. Т. 4. М.: Политиздат, 1974. С. 44.
9. Вернер П. Баварская Советская Республика. Пер. с нем. М., 1924.
10. Гронский О.Б. Формирование исторической субъектности (на примере Белоруссии) // Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Научный сборник / отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. – М.: Изд-во Московского университета, 2018. – С. 126-134.
11. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. Ст., коммент. И.А.Исаева. М., 1992. С. 350.
12. Желтов В.В., Желтов М.В. Геополитика: история и теория: учебное пособие. – Кемерово: КемГУ, Кузбассвузиздат, 2007. – 422 с.
13. Зиновьев Г. Коммунистический Интернационал // Ежегодник Коминтерна. – Пг.;М., 1923. – С. 11.
14. Капто А. Дипломатия нового международного переустройства. 1939-1945 гг. // Наука-Культура-Общество. 2005. № 1. С. 69-74.
15. Капустин М.Н. Международное право // Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. – М.: Междунар. отношения, 2007. – С. 167-247.
16. Карнаухов Д.В. Польские концепции российско-белорусской истории: от комплекса завоевателя к комплексу жертвы // Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Научный сборник / отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. – М.: Изд-во Московского университета, 2018. – С. 92-100.
17. Каченовский Д. С. Курс международного права // Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. – М.: Междунар. отношения, 2007. – С. 39-166.

18. Ключников Ю. Версальский мирный договор. II. Содержание мирного договора // Большая советская энциклопедия. Т. 10. М., 1928. Ст. 342.
19. Кожин В.В. Россия. Век XX (1939-1964). Опыт беспристрастного исследования. М.: Вече, 1999. С. 15.
20. Криштапович Л.Е. Наша общерусская история // Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Научный сборник / отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. – М.: Изд-во Московского университета, 2018. – С. 53-64.
21. Кульков Е.Н. Оккупационная политика агрессоров // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война: Ист. Очерк / Отв. ред. Е.Н. Кульков. – М.: Наука, 2002. – С. 385-402.
22. Кульков Е.Н., Ржешевский О.А. Истоки нового мирового конфликта // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война: Ист. Очерк / Отв. ред. Е.Н. Кульков. – М.: Наука, 2002. – С. 16-67.
23. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. Т. 45. – М.: Политиздат, 1975. – С. 360.
24. Ленин В.И., Сталин И.В. о социалистическом государстве и советской демократии. – М.: Госполитиздат, 1951. – С. 623.
25. Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации. – СПб.: СПбГУП, 2019. – 60 с.
26. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 148.
27. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. / Пер. с нем. – Tallinn: Shildex, 1998. – С. 349.
28. Троцкий Л. Красная Армия // Ежегодник Коминтерна. 1923. С. 251.
29. Уляницкий В.А. Международное право // Золотой фонд российской науки международного права. Т. III. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 488 с.
30. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – 536 с.
31. Шабайлов В.И. Союзное государство Беларуси и России как форма ассоциированной федерации // Право в современном белорусском обществе: Сборник научных трудов. Вып. 3. / ИГП НАН Беларуси. – Минск: Белорусская наука, 2008. – С. 4-15.

Н.А. БЕРДЯЕВ О ВЗАИМОСВЯЗИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ XX ВЕКА

Ивонина О.И. (г. Новосибирск, Россия)

Исторический опыт Бердяева вместил в себя две мировые войны, две революции в России, вынужденное изгнание из России на знаменитом «философском пароходе», нацистский переворот в Германии, оккупацию Франции, начало «холодной войны». Сам Бердяев полагал, что его личный опыт именно благодаря наполненности такого рода драматическими событиями, носил экзистенциальный характер, раскрывая нечто универсально значимое для судеб мира и человечества. Не случайно Бердяев считал моральным *credo* историка *абсолютную ответственность человека-микрокосма за все исторические события*, даже находящиеся вне его контроля и времени жизни.

Бердяев всегда искал альтернативу сформулированной идеологами Просвещения концепции всемирной истории, безнадежно устаревшей в XX веке. Критика идеи прогресса превратилась у Бердяева в годы Первой мировой войны в критику интеллектуального наследия эпохи Модерна и приобрела новую тональность. Позитивистский историзм казался русскому автору достоянием благополучного XIX века, отразившим его философию времени и интеллектуальную атмосферу. Первая мировая война опровергла то, что казалось незыблемым приобретением человечества – прочность культурных устоев комфортной и уважаемой истории Запада. Чудовищный факт мировой бойни, развязанной передовыми европейскими нациями, показал ошибочность фундаментальных тезисов либеральной рационалистической историографии: в истории нет поступательного развития, необратимости достижений культуры и цивилизации. Мировая война сдернула тонкую пленку цивилизации XIX – начала XX вв., обнажила глубинные пласты человеческой жизни, расковала *хаос иррационального* в человеческой природе [8, с.322].

Все привычные категории мысли и формы жизни самых «передовых», «прогрессивных», даже «революционных» людей XIX и XX веков, по мнению мыслителя, безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и особенно для будущего [1, с.411].

Первая мировая война стала для Н.А. Бердяева подтверждением его прогноза о завершении прежнего, модернистского по сути проекта всемирной истории, на смену которому приходит эра неопределенности. Он отмечал: «Нынешнее историческое время подобно эпохе великого переселения народов. Чувствуется, что человечество вступает в новый исторический и даже космический период, в какую-то великую неизвестность, совершенно непредвиденную никакими научными прогнозами, ниспровергающую все доктрины и учения» [6, с.114].

Эта историческая катастрофа была воспринята русским мыслителем как символ «заката Европы» и окончания эпохи Нового времени, в которой к Западу принадлежала роль лидера и эталона мирового развития. Н.А. Бердяев, подобно множеству других представителей русской революционной демократии (Г.В. Плеханову, А.А. Богданову, В.И. Ленину, Ф.А. Степуну и Г.П. Федотову) указывал на фактическую, культурно-антропологическую и социально-психологическую обусловленность Первой мировой войны вступлением человечества в новый этап развития – эпоху империализма.